

с человеческим бытием. В статье **Л.Залеско «Философско-культурологические измерения трансцендентного»** дается анализ взглядов на трансцендентное П.Сорокина, М.Шелера, М.Гайдеггера, А.Колодного. Этому прешествует рассмотрение автором понимания проблемы Кантом и Гегелем.

К. Товбин (Южно-Сахалинск)

ПОСТМОДЕРН И ТРАДИЦИЯ

Понятие традиционной религиозности достаточно часто циркулирует в публицистике как условный противовес религиозности новаторской – «великому харизматическому пробуждению», неоязыческим культам, квазивосточному оккультизму и пр. Однако, позитивное наполнение этого понятия до сих пор вакантно. При рассмотрении «традиционной религиозности» мы видим, прежде всего, понятийный кентавризм, ибо «религия» изначально представляла себя неким противовесом «Традиции» [Дугин А.Г. *Философия традиционализма*. – М., 2002. – С. 102], способом её восстановления или подмены. Во-вторых, при внутреннем анализе понятия традиционной религии мы видим достаточно модернистское, постпротестантское наполнение понимания *религии как мировоззрения* (что, зачастую, и приводит к указанному выше кентавризму), и это постпротестантское представление о религиозности регулярно видоизменяется, следуя «демифологизационным» программам современного протестантизма [Vanhoozer K.J. *Theology and the condition of postmodernity: a report on knowledge (of God)* // *The Cambridge companion to Postmodern Theology* / Ed. Vanhoozer K.J. – Cambridge, 2003. – P. 3-25]. Постпротестантский подход ставит определённые методологические проблемы: пересказывая внутренние особенности традиционных религий в окружающее светское пространство, интерпретаторы не только используют сам мирской язык, в котором попросту нет подходящих значений для обозначения проявления Сакрального в десакрализирующемся пространстве – более того, при такой интерпретации исходят из религиозноведческой методологии, разработанной в протестантизме (как «религии» в чистом виде) и потому не могущей передать даже количественные параметры Традиции, не говоря уже о её сущностных особенностях.

В-третьих, в современной российской философии укоренился взгляд на традицию как на способ передачи некоторых цивилизационных оснований [Аверьянов В.В. *Традиция* // *Русская философия: Энциклопедия* / Ред. Маслин М.А. – М., 2007. – С. 578]. Даже в религиозной философии «серебряного века» традиция понималась как функциональный и несамостоятельный компонент чего-то более значимого – либо метафизического, либо (посредством понятийной секуляризации советских философов [Давидович В.Е., Жданов

Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону, 1979 – С.89; 22. – С.14; 24. – С.8; 25. – С. 10]) социально-экономического.

Итак, перед нами стоит достаточно трудная задача: в рамках модернистского языка и принятого по умолчанию постпротестантского религиоведения обрисовать принципы Традиции в её связи с религией, обозначив наполнение понятия «*традиционная духовность*». Разумеется, важнейшим тут является вопрос методологии. По нашему мнению, разговор о Традиции может полномерно вестись с позиции традиционалистской методологии³⁸. Возникнув в рамках философского постмодернизма, традиционализм был нацелен на планомерное изживание мировоззренческих и ментальных особенностей Нового времени. Но, в отличие от постмодернизма-деконструктивизма, традиционализм борется с Модерном не по образу борьбы новой версии программного обеспечения с устаревшим и малофункциональным. Традиционалистическая школа есть попытка полного восстановления образа мышления человека, живущего в Традиции, потому понятие Традиции традиционалистами кристаллизуется до гротескности: гиперболистические приёмы неминуемы при обращении к познавательным способностям человека, живущего в эпоху симулякров.

Традиция есть цепь непрерывной и непрестанной смыслопередачи Священного. Именно по этой причине Традиция именуется с заглавной буквы, в противовес традиции как устоявшегося образа социального бытия [Аверьянов В.В. Традиция и традиционализм в общественной мысли России (60-90-е годы XX века) // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 1. – С. 73]. Священное здесь понимается не антропоцентрично (как психологический или коммуникативный консенсус), но сакроцентрично, потому я воздержусь от генерации понятия Священного, как и все религиоведы, первыми использовавшие это понятие, сконцентрировавшись на обнаружении атрибутов Священного, первым из которых и является Традиция.

В онтологическом плане Традиция фиксирует постоянство и нерушимость связи с трансцендентным источником человеческого существования (родового и индивидуального). Это делает мышление стационарным и цикличным, радикально отличающимся от модернистского прогрессистского и эволюционистского мировосприятия. Традиция – не арсенал постулатов или гештальтов «коммуникативного механизма» [Быстров В.Ю. Понятие традиции и проблемы философии религии // *Религиоведение*. – 2004. – № 1. – С. 154], не предохранительный способ восприятия новаций [Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М., 1983. – С. 153], но цельное сознание, укоренённое в принципиальной нерасторжимости трансцендентного и

³⁸ *Традиционалистская школа* отражена в системе учений Р. Генона, Ю. Эволы, Т. Буркхардта, Ф. Шуона, С.Х. Насра, А. Кумарасвами, Р. Кумарасвами, Ж. Борелля, В. Куинна, Дж. Катсингера, Г. Смита, М. Али Лахани, М. Седжвика, А.Г. Дугина, Ю.Н. Стефанова, В.В. Аверьянова, а также близких этой школе М. Элиаде, А. Корбена, А. Соруша, М. Легенгаузена, иером. Серафима (Роуза), прот. И Мейендорфа, прот. А. Шмемана, В.Н. Лосского, Н.О. Лосского.

имманентного начал, более того – в неправомерности самого такого разграничения. Принадлежность к Традиции есть принадлежность к Священному, потому компоненты Традиции есть не столько пути к Священному, сколько *проявления самого Священного*. О знаковых пунктах традиционной религиозности (в онтологическом разрезе) будет сказано ниже, хотя приведённая дифференциация параметров традиционной духовности условна и имеет для нас характер лишь методологической опоры.

Цельность. Все элементы традиционного упования (культ, ритуал, догматическая, мировоззренческая и поведенческая сферы) связаны и равно представлены как эманации Святого [30. Nasr S.H., Jahanbegloo R. In search of the sacred: A conversation with Seyyed Hossein Nasr on his life and thought. – Santa Barbara, 2010. 31. Quinn W.W., Jr. The Only Tradition. – NY., 1997. – С. 181]. В традиционной религии не существует «неважных» сфер, всяческое категориальное членение Традиции условно и носит чисто технический характер. Для достижения высшей цели земной жизни важна повседневная укоренённость во всех без исключения элементах Традиции, достигших нас из глубины времён.

Рациональность и вербальность присутствуют в традиционной религии, но никогда не охватывают всех сфер упования, не подводят к приоритету объяснимого – над необъяснимым («туманным»), логичного – над иррациональным («глупым», «басней»). Собственно, десаκραлизация началась именно как гипертрофия одного из элементов внутренних элементов Традиции – рациональности (выродившейся в антропоцентризм). В Постмодерне мы можем наблюдать иную крайность – перевес иррационального, дикого, безумного и дурного, что зачастую выдаётся как отток от Современности в сторону Вечного. Это одна из причин современной религиозной гальванизации, мировоззренческой и социальной архаизации и коллажности.

Традиционная христианская духовность тяготела к невербальности и символизму. Потому её лучшим знаком может считаться православная икона – «образ, относящий к Первообразу». Выполненное по очень строгим законам изображение используется не просто как подспорье осуществления культа – как часть самого культа [Бычков В.В. Феномен иконы: история, богословие, эстетика. – М., 2009. – С. 313]. Смысл традиционно-христианского иконопочитания состоит в постоянном обнаружении отсутствия границы между миром дольным и миром Горним [17. – С. 312]. Здесь символ – «не только означающее, но и означаемое» [Дугин А.Г. Философия политики. – М., 2004. – С. 419]. Потому «почтительное поклонение» перед иконой становится элементом «служительного поклонения», оказываемого Богу. Богословский и философский смысл иконопочитания отражён в учении о «реалистическом символизме» св. Григория Паламы: символ не только указывает, напоминает, назидает, но является трансцендирующим, переносящим на Небо [Мейендорф И., прот. Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. – СПб., 1997. – С. 268]. При таком подходе изменяется само представление о феноменологической границе человека и Бога, человека и мира, человека и

человека – граница есть условность, вынужденное, педагогическое напоминание об изъёме (грехопадении), не позволяющем осуществить Переход.

Как и икона, сам ритуал не является лишь напоминанием, относящим к чему-то более важному (напр., догме вероучения). Напротив, вероучение призвано направить к ритуалу, посредством которого синергетическим содействием дающего благодать Бога и молящегося человека истончается граница, искусственно возведённая человеческим грехом. Помимо молитвы, атрибутика, священные артефакты, символика литургических текстов, движений, жестов направлены на ту же сотериологическую цель, потому невозможно в традиционной духовности выделить однозначно «первичные» и «вторичные» стороны. Потому рационалистическое оттачивание вероучения, его изложение, апология и исходящие из вероучения катехизация и педагогика являются, скорее, указателями на нечто более существенное в культе. Рассмотрение рационализированного богословия как предмета и объекта культа является важнейшей вехой в десакрализации христианской Традиции, осуществлённой в протестантизме.

Однако, не следует думать об иррациональности Традиции как о её качестве. Это сторона внешняя, но не сущностная. Согласно Традиции, творение и развитие мира и человека идут по определённому Замыслу, Логосу, однако только христианская философия претендует на обладание знанием о Логосе [Максим Исповедник. Вопросыответы к Фалассию. Ч. 1. Вопросы I-LX // Максим Исповедник. Творения. Кн. 2. – М., 1993. – С. 16]. Логоцентризм всегда был и остаётся отличительной стороной христианской версии Традиции. Рациональность светская – побочный, секулярный отпрыск христианского логоцентризма, оторвавшегося от метафизики и мистики и ушедшего в дурную бесконечность антропоцентризма.

Сегодняшние имитации Традиции отмечены непоследовательностью, рваностью, произвольностью и принципиальным агностицизмом [Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 242; Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: Автореф. ... докт. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 12] – это и есть печать пострелигиозности, состоящей в симулятивности, защищающейся от обнаружения медийной напористостью. Постмодерн выработал сильнейшее противоядие против Традиции, уничтожив сами основания для её восстановления. Словами Дугина, «возврат к премодерну после того, как модерн фундаментально поработал – это возврат не к полноценной картине, а к фрагменту, к расчленённой и разбитой системе» [Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М., 2009. – С. 68]. Поэтому почти всякое сегодняшнее упорство в стремлении к традиционности скатывается лишь в имитацию традиционности, причём, достаточно плоскую и плоскостную.

Преимственность. «Традиция – это передача комплекса укоренённых способов облегчения нашего понимания сущностных принципов универсального (вселенского) порядка, так как без посторонней помощи

человеку не дано понять смысл своего существования» [Де Бенуа А. Определение Традиции // Полнос. – 2008 – № 1. – С. 3]. Традиция есть циркуляция изначального смысла, «форма социокультурного наследования, организованная таким образом, чтобы обеспечить адекватное возобновление вложенного в нее содержания» [Аверьянов В.В. Традиция как преемственность и служение // Человек. – 2000. – № 2. – С. 43]. Передача эта осуществляется в двух измерениях: *вертикальном* (историческая преемственность, раскрывающаяся посредством особых символических действий, совершаемых жречеством [Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. – М., 2010. – С. 415]) и *горизонтальном* (общинность/соборность, иерархичность и кастовая структура общества, гендерное и возрастное неравенство [Дугин А.Г. Пути Абсолюта // Дугин А.Г. Абсолютная Родина. – М., 1999. – С.126-134; 14. – С. 459]).

Традиция не возникает, не изменяется, не расширяется и не дополняется. Принципиально подчеркнуть, что под Традицией мы понимаем не совокупность обрядов и образов, не исторически сложившийся цивилизационный контекст в своём бытовом измерении – такое понимание, напротив, противотрадиционно [Генон Р. Царство количества и знаменья времени // Генон Р. Кризис современного мира. – М., 2008. – С. 628; Nasr S.H., Jahanbegloo R. In search of the sacred: A conversation with Seyyed Hossein Nasr on his life and thought. – Santa Barbara, 2010; Quinn W.W., Jr. The Only Tradition. – NY., 1997. – С. 204]. Под Традицией мы подразумеваем именно *Philosophia Perennis* – изначальное Знание, постепенная утрата которого и стремление заменить объявляющиеся пустоты суетливой активностью ума – суть наполнение всей человеческой истории.

Традиция есть постоянное напоминание об отсутствии сущностной границы между Горним и Дольним. Лишь человеческая деятельность, являющаяся следствием активности помутнённого грехопадением разума, есть установление этой *якобы-границы*. Традиция неизменна, только может замутняться её восприятие человеком. Н.П. Аксаков писал: «Предание в истории может систематизироваться, производить выводы из вложенных в него посылок, но не может включать в себя новые начала, обогащаться новыми элементами» [Аксаков Н.П. Предание Церкви и предания школы // Богословский вестник. – 1908. – Т. 1. – № 2. – С. 376].

Мистически воспринимаемое знание, передающееся из века в век, не является мёртвым слепком с ушедшей реальности. Напротив, чем дальше мир своей нарастающей беспорядочностью удаляется от своего Начала, тем больше напряжённой динамики просвечивается в Сакральности, возрождаемой немногими и сохранённой единичными.

Здесь изложены онтологические особенности традиционной духовности. Разумеется, к перечисленным параметрам нельзя свести всю духовность Традиции, так как, во-первых, здесь ради чистоты повествования вовсе не приведены феноменологические параметры. Во-вторых, означенное в начале повествования использование модернистского понятийного инструментария

позволяет нам очертить традиционную духовность лишь в общих чертах, грубыми мазками. Однако, другой эпистемологической возможности не видится: религиозность Традиции измеряет себя в собственных понятиях, не позволяющих современному человеку распознать этот язык. Постмодернистское религиоведение, напротив, тяготеет к понятийной эксцентричности, не позволяющей никаких общих понятийных оснований. Потому не вполне правомочное использование модернистской терминологии и методики является единственной возможностью очерчивания каркаса духовности Традиции, в равной мере противостоящей как Новому времени, так и Постмодерну.

Анотації

В статье **К.М.Товбина «Постмодерн и Традиция»** посредством методологии Традиционалистской школы рассматривается и вскрывается понятие традиционной духовности. «Традиция» (Полная, или Священная Традиция) противопоставляется «традиции» как сложившейся цивилизационной инерции или ментальному коммуникативному механизму. Традиция противопоставляется как Модерну, так и Постмодерну, однако рассматривается в сопоставлении с этими эпохами. Содержание традиционной духовности рассматривается в онтологическом разрезе.

Ключевые слова: Традиция, Священное, ритуал, культ, потусторонность, преемственность, примордиальность, иерархия, регресс, Постмодерн, симулякр.

У статті **К.М.Товбіна «Постмодерн і Традиція»**, використовуючи методологію «Традиціоналістської школи, розглядається поняття традиційної духовності. «Традиція» (Повна або Священна Традиція) протиставиться «традиції» як цивілізованій інерції, що склалася, чи ментальному комунікативному механізму. Традиція протиставиться як Модерну, так і Постмодерну, проте розглядається у співставленні з цими епохами. Зміст традиційної духовності розглядається в онтологічному розрізі.

Ключові слова: Традиція, Священне, ритуал, культ, потойбічність, наступність, ієрархія, регрес, Постмодерн, симулякр.

Postmodernity& Sacred Tradition. In article by means of methodology of Traditionalist school the concept of Traditional Spirituality is considered and opened. "Tradition" (Full, or Sacred Tradition) is opposed to "tradition" as to the civilizational way or the mental communicative mechanism. The Tradition is opposed both to the Modernity, and the Postmodernity, however is considered in comparison to these eras. The maintenance of Traditional Spirituality is considered from the ontologic party.

Key words: Tradition, Sacred, ritual, cult, transcendental, continuity, primordial, hierarchy, regress, Postmodernity, simulacrum.